

DOI: <https://doi.org/10.36719/2789-6919/53/50-57>

Пярвиз Гасанов

Бакинский Государственный Университет

доктор философии по праву

<https://orcid.org/0009-0006-2131-7738>

hasanov.p.a@gmail.com

Орхан Ахмед

Бакинский Государственный Университет

магистрант

<https://orcid.org/0009-0006-7110-9443>

orkhanahmad16@gmail.com

Правовой анализ деклараций саммитов БРИКС

Резюме

Данная статья посвящена комплексному правовому анализу деклараций саммитов БРИКС и рассматривает их роль в условиях трансформации современного международного правопорядка. Авторы обосновывают актуальность исследования, отмечая возрастающее значение объединения в контексте формирования многополярной системы международных отношений. В рамках работы дано постепенное развитие правовых принципов БРИКС в декларациях с 2009 по 2023 год, которое обобщается в акценте на первоначальном доминировании экономической повестки от пузга до расширения ее в рамках всех областей международного сотрудничества и вплоть до правообразования: глобальный институционализм, устойчивое развитие, реализм нормотворчества и рационалистическая секуляризация анализа. Особое внимание уделяется юридической природе самой идеи деклараций интеграционного назначения в качестве актов международного права мягкого трения, сами они как акты влияющие на формирование принципов международного обычного права и национальные правовые системы.

Проводится сравнительно-правовой анализ соотношения деклараций с международными договорами и актами международных организаций, выявляются механизмы их имплементации в законодательства государств-участников. Рассматривается практическая реализация отдельных положений в России, Китае, Индии и других странах, а также проблемы, возникающие в связи с расширением состава объединения. Авторы приходят к выводу, что декларации *БРИКС* обладают значительным потенциалом нормативного влияния и являются важным инструментом формирования нового правового ландшафта полицентрического мира.

Ключевые слова: БРИКС, декларации, международное право, национальное законодательство, правовые принципы, международные организации, правовой статус документов

Pərviz Həsənov

Bakı Dövlət Universiteti

hüquq üzrə fəlsəfə doktoru

<https://orcid.org/0009-0006-2131-7738>

hasanov.p.a@gmail.com

Orxan Əhməd

Bakı Dövlət Universiteti

magistrant

<https://orcid.org/0009-0006-7110-9443>

orkhanahmad16@gmail.com

BRICS Sammiti bəyannamələrinin hüquqi təhlili

Xülasə

Bu məqalə BRİKS sammitlərinin deklarasiyalarının kompleks hüquqi təhlilinə həsr olunmuşdur və onların müasir beynəlxalq hüquqi qaydanın transformasiyası şəraitində rolunu araşdırır. Müəlliflər tədqiqatın aktuallığını əsaslandıraraq, çoxqütblü beynəlxalq münasibətlər sisteminin formallaşması kontekstində birliyin artan əhəmiyyətini qeyd edirlər. İş çərçivəsində BRİKS-in hüquqi prinsiplərinin 2009-2023-cü illər üzrə deklarasiyalarda ardıcıl inkişafı təqdim edilir və bu inkişaf ilkin mərhələdə iqtisadi gündəmin üstünlük təşkil etməsindən başlayaraq beynəlxalq əməkdaşlığın bütün sahələrinə və hətta hüquqyanma mərhələsinə qədər genişlənməsi ilə ümumiləşdirilir: global institutionalizm, dayanıqlı inkişaf, normayaradma realizmi və analizin rasional-sekulyar yanaşması. Xüsusi diqqət inteqrasiya xarakterli deklarasiya ideyasının hüquqi mahiyyətinə — beynəlxalq hüququn yumsaq hüquq aktları kimi roluna, həmçinin, onların beynəlxalq adət hüququ prinsiplərinin və milli hüquq sistemlərinin formallaşmasına təsir göstərən aktlar kimi əhəmiyyətinə yönəldilir.

Məqalədə deklarasiyaların beynəlxalq müqavilələr və beynəlxalq təşkilatların aktları ilə əlaqəsinin müqayisəli-hüquqi təhlili aparılır, iştirakçı dövlətlərin qanunvericiliklərinə onların implementasiya mexanizmləri müəyyən edilir. Rusiya, Çin, Hindistan və digər ölkələrdə bəzi müddəaların praktiki tətbiqi, eləcə də birliyin tərkibinin genişlənməsi ilə bağlı yaranan problemlər araşdırılır. Müəlliflər belə nəticəyə gəlirlər ki, BRİKS deklarasiyaları əhəmiyyətli normativ təsir potensialına malikdir və çoxmərkəzli dönyanın yeni hüquqi landsaftının formallaşmasında mühüm alət rolunu oynayır.

Açar sözlər: BRİKS, deklarasiyalar, beynəlxalq hüquq, milli qanunvericilik, hüquqi prinsiplər, beynəlxalq təşkilatlar, sənədlərin hüquqi statusu

Parviz Hasanov

Baku State University

PhD in Law

<https://orcid.org/0009-0006-2131-7738>

hasanov.p.a@gmail.com

Orkhan Ahmed

Baku State University

Master's student

<https://orcid.org/0009-0006-7110-9443>

orkhanahmad16@gmail.com

Legal Analysis of BRICS Summit Declarations

Abstract

This article is devoted to a comprehensive legal analysis of the BRICS summit declarations and examines their role amid the transformation of the modern international legal order. The authors justify the relevance of the study by noting the growing importance of the association in the context of forming a multipolar system of international relations. The work traces the gradual development of BRICS legal principles in the declarations from 2009 to 2023, summarized by the initial dominance of the economic agenda expanding across all areas of international cooperation and even to lawmaking: global institutionalism, sustainable development, norm-creation realism, and rationalist secularization of analysis. Particular attention is given to the legal nature of the very idea of integration declarations as acts of soft international law friction, which themselves influence the formation of principles of customary international law and national legal systems.

A comparative legal analysis is conducted of the relationship between the declarations, international treaties, and acts of international organizations, revealing mechanisms for their implementation into the legislation of member states. The practical implementation of certain provisions is examined in Russia, China, India, and other countries, as well as issues arising from the expansion of the association's membership. The authors conclude that the BRICS declarations hold significant normative influence potential and serve as an important tool in shaping the new legal landscape of a polycentric world.

Keywords: BRICS, declarations, international law, national legislation, legal principles, international organizations, legal status of documents

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена продолжающейся трансформацией системы глобального управления, в рамках которой декларации саммитов БРИКС приобретают всё более значимое место как политico-правовые документы, отражающие согласованную волю крупнейших государств глобального Юга. В условиях постепенного формирования многополярного международного порядка данные декларации становятся инструментом артикуляции альтернативных подходов к международно-правовому регулированию и выработке новых норм глобального взаимодействия. Их комплексный анализ позволяет выявить тенденции изменения содержания современного международного права в условиях расширения состава БРИКС.

Проблематика исследования обусловлена тем, что правовая природа деклараций БРИКС, их место в иерархии источников международного права и степень влияния на формирование норм международного обычая пока недостаточно детально исследованы как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Сложность заключается в гибридности данных документов, в которых политическая риторика тесно переплетена с элементами нормативных установлений, способных трансформироваться в устойчивую международно-правовую практику (Ромашев, Остроухов, 2017).

Целью статьи является комплексное определение юридической силы и практической роли деклараций БРИКС в системе современного международного права. Для достижения поставленной цели проводится последовательный анализ содержания деклараций, динамики закреплённых в них принципов и механизмов их имплементации в национальные правовые системы государств-участников.

В задачи исследования входят: выявление эволюции правовых принципов, сформулированных в декларациях объединения с момента его основания; определение юридической природы указанных документов и их соотношения с традиционными источниками международного права; анализ практики реализации положений деклараций в странах-участницах БРИКС и оценка их влияния на формирование международной правовой политики.

Исследование

2009-2011 годы стали периодом становления институциональной модели БРИКС, что отразилось в первых совместных политических декларациях. Совместное заявление лидеров четырех стран (2009 г.) и принятая на следующем саммите Декларация в Саньцзяне (2011 г.) определили правовые и организационные параметры многостороннего сотрудничества. Эти документы стали отправной точкой институциональной консолидации и заложили основу для дальнейшего расширения компетенций объединения. Ранние декларации последовательно фиксировали основополагающие принципы международного права: суверенное равенство государств, ненападение, уважение территориальной целостности, верность Уставу ООН. В Декларации Бразилии (2010) подчеркивалось, что деятельность БРИКС строится «в строгом соответствии с основополагающими принципами международного права». Эти формулировки продемонстрировали стремление участников зафиксировать многополярную модель миропорядка, основанную на юридически равноправном сотрудничестве и недопустимости одностороннего давления. Таким образом,

первые декларации играли не только функцию политического заявления, но и де-факто учредительного акта, формируя правовую доктрину БРИКС, ориентированную на противодействие доминированию отдельных центров силы и поддержку более справедливого распределения влияния на международной арене.

В 2012-2016 годах содержание деклараций отразило постепенную смену акцента с экономической проблематики организации на более полное отражение вопросов повестки международного правопорядка. В это время БРИКС обсуждает реформы глобальных институтов, включая повышение представительства развивающихся стран в органах международного управления. Также подчеркивалась необходимость модернизации мировой финансовой архитектуры и демократизации системы международных отношений.

Документы пост-2015 года характеризуются повышением значимости вопросов устойчивого развития, прав человека, международной безопасности и цифровой трансформации. Такие акценты показывают расширение правовой роли объединения и его амбиций участвовать в формировании универсальных норм международного права. Как справедливо отмечает С.П. Перегудов, БРИКС стал платформой «выработки новой модели социально-экономического развития мирового сообщества», что говорит о стремлении объединения формировать одновременно экономическую и правовую архитектуру многополярного мира. В целом, декларации БРИКС фиксируют ряд устойчивых правовых понятий. Это: – приоритет норм международного права и Устава ООН, что свидетельствует о приверженности универсальным нормам международного правопорядка; – суверенное равенство и невмешательство, которые выступают основой идеологии сотрудничества; – реформа международных институтов, нацеленная на перераспределение полномочий глобального управления в сторону большей репрезентативности; – правовое регулирование экономических отношений, что включает создание специальных финансовых инструментов (НБР, пул условных резервов); – устойчивое развитие и климатическая политика, в рамках которых БРИКС последовательно формулирует собственную позицию по международным экологическим обязательствам. Таким образом, данные понятия являются элементами формирующейся правовой доктрины БРИКС как коллективного субъекта международных отношений (Конкин, 2017; Глушаков, Соболевская, 2024).

С позиций Венской конвенции 1969 г. декларации БРИКС не являются международными договорами: они не создают юридически обязательных прав и обязанностей, не подлежат ратификации и имеют политico-координационный характер. Можно говорить о том, что юридическая сила данных деклараций не базируется на принципе *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), а основана на добросовестности и политической воле государств-участников. Однако их правовая природа выходит за рамки чисто политической декларации.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что декларации БРИКС имеют более высокую степень нормативной конкретизации по сравнению с аналогичными коммюнике G7 или G20. Если коммуникация G7 чаще сводится к фиксации общих политических позиций, то в декларациях БРИКС содержатся четкие поручения профильным министерствам и ведомствам с фиксированными сроками выполнения задач и параметрами создаваемых механизмов. Это позволяет отнести их к актам пара-правового регулирования с признаками *lex ferenda* (права, которую следует создать). Они формируют «ожидание правильного поведения», действуя как своего рода форма ограничения: государство - подписант этой декларации утрачивает моральное и политическое право действовать вопреки принципам, зафиксированным в ней, даже если этого формально не запрещает закон. Следовательно, декларации выступают в качестве инструмента гармонизации воли суверенных государств на пре-договорном этапе – фактически играя роль квазинормативного регулятора. С точки зрения П.-М. Дюпюи, документы «мягкого права» способны генерировать нормативные последствия без формального юридического обязательства (Дириу, 2019). Декларации БРИКС соответствуют данной категории по следующим причинам: – фиксируют

согласованные правовые позиции, создающие основу для последующего формирования обычных норм; – оказывают влияние на международную и национальную практику; – выступают механизмом координации поведения государств. Соответственно, декларации следует рассматривать как особую форму совместного нормотворчества в рамках международной организации.

При анализе вышеуказанных деклараций важно четко разграничивать декларации БРИКС и международные соглашения, регулируемые нормами Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Декларации саммитов не подлежат ратификации и не регистрируются в Секретariate ООН в качестве международных договоров (в отличие от, например, протоколов к международным договорам). БРИКС формально не является международной организацией с притязанием на получение отдельной от государств-участников правосубъектности (так как не имеет ни уставного документа, ни постоянного органа). Поэтому декларации саммитов нельзя отождествлять с резолюциями международных организаций, носящими обязательный характер (например, резолюциями Совета Безопасности ООН). Однако функциональный анализ показывает, что в большинстве случаев декларации БРИКС служат pre-contractual agreements – юридической основой для последующего заключения обязывающих международных договоров. Яркий пример – развитие идеи о создании Нового банка развития: от политической декларации на уровне какого-то тезиса в Делийской декларации (2012 год) до международного соглашения в форме договора между государствами «О создании НБР» во Форталезе (2014 год). В рамках данной системы координат декларация представляет собой источник материального регулирования, нормы которого впоследствии реализуются в рамках международного договора как источника процессуального регулирования. Кроме того, декларации БРИКС часто содержат прямые или косвенные ссылки к актам ООН или ВТО, что служит подтверждением приверженности участников общепризнанным принципам и нормам международного права. Это позволяет вписать декларацию БРИКС в сложившуюся иерархию источников права: не как альтернативу актам ООН или ВТО, а как субсидиарный источник регулирования, дополняющий их взаимные обязательства по сотрудничеству в рамках данного клуба государств.

Проблема имплементации норм вышеуказанных деклараций БРИКС заключается в трансформации результатов политических согласований на уровне глав государств-участников через право государства-участника на прямое применение норм вышеуказанных деклараций без дальнейших действий со стороны законодателя или иного органа. Поскольку указанные акты являются не нормами прямого действия – они не могут быть инкорпорированы/ трансформированы в национально-правовые обязательные предписания по аналогии с нормами договоров. В связи с этим механизмы реализации норм указанных деклараций имеют опосредованный многоуровневый характер: считается примером административной трансформации применение итоговых актов саммитов глав государств participants BRIKS с соответствующими внутренними распорядительными актами госглав (перечни поручений Президента РФ, директивы Госсовета КНР); пример стратегической трансформации – инкорпорация норм вышеуказанных деклараций BRIKS в концепцию внешней политики государства-участника BRIKS или стратегию экономической безопасности государства-участника BRIKS и так далее); пример институциональной трансформации – создание рабочих групп на базе положений вышеуказанных деклараций BRIKS (чтобы затем путем унификации разработки общих мероприятий реализовать практическое сближение с «мягким» на уровне реализации уже действующего законодательства без внесения каких-либо изменений и дополнений).

Таким образом, эффективность имплементации зависит не от международно-правового принуждения, а от и их способности и желания добровольно интегрировать наднациональные рекомендации в свое национальное право.

Анализ результативности механизмов сотрудничества, образованных на базе декларативных актов, демонстрирует прямую зависимость между глубиной институционализации инициативы и успешностью ее правоприменения. Механизмы, прошедшие путь от политической декларации к созданию полноценного субъекта международного права, оказываются наиболее результативными. Ярким примером такого положения дела служит становление Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов. В данном случае успешной трансформации подверглись исходные декларативные нормы (Делийская и Этеквинская декларации), которые стали основой для международного договора (Соглашение о НБР). В итоге институту была присвоена собственная международная правосубъектность, сформирован уставный капитал, а также созданы органы управления. В то же время механизмы, не перешедшие рамки межведомственного взаимодействия – например, ряд отраслевых рабочих групп по кибербезопасности или налоговому администрированию – имеют более низкую нормативную плотность. Их решения носят рекомендательный характер, а отсутствие императивного механизма принуждения к их исполнению приводит к фрагментарному исполнению принятых решений. Основным правовым дефицитом текущей архитектуры сотрудничества оказывается отсутствие наднационального арбитражного органа, что вынуждает стороны разрешать возникающие правовые коллизии исключительно путем дипломатических консультаций, сильно замедляя реализацию сложных экономических проектов типа формирования единой платежной системы.

Поскольку состояния БРИКС не смогут подлежать прямой ратификации национальными парламентами, их имплементация реализуется на основании институтов внутренней трансформации норм. Это обстоятельство приводит к достаточно серьезному правовому дисбалансу среди государств-участников. Сравнительно-правовой анализ позволяет выделить две полярные модели правоприменения. Первая из них – модель централизованно-директивного типа, характерная для Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В этих юрисдикциях положения деклараций моментально начинают действовать на основании документов стратегического планирования и подзаконных актов органов исполнительной власти. В России этот процесс осуществляется через инструмент президентских поручений, в Китае – путем гармонизации с решениями партийного руководства. Такие подходы обеспечивают высокую скорость движения управлеченческих сигналов (Белкин, 2025; Арзуманова, 2018). Вторая модель имеет процедурно-бюрократический характер и свойственна Бразилии и Индии. В этих странах реализация положений норм сталкивается со сложным механизмом сдерживания/ противодействия. В Бразилии бюджетные обязательства, вытекающие из положений деклараций, должны проходить длительную процедуру согласования в Конгрессе; в Индии межгосударственный характер ограничения считается примером развития индивидуального законодательства субъектов Федерации (подобно системе общего права), из-за чего положения международных рекомендаций приходится долго прорабатывать на уровне штатов. Южно-Африканская Республика занимает промежуточную позицию, используя международные обязательства в рамках БРИКС как инструмент легитимизации внутренних реформ и преодоления внутреннего сопротивления (Михневич, 2022; Лапочкина, 2024).

Расширение состава объединения (формат БРИКС+) ставит вызов для правовой системы объединения, который можно охарактеризовать как «кризис правовой гетерогенности». Вступление стран Ближнего Востока (Иран, ОАЭ, Египет) в объединение вносит элементы исламского права в правовое пространство БРИКС. Это создаёт риск нормативных конфликтов в таких сферах, как банковское регулирование и инвестиции, где положения деклараций потребуют сложной юридической адаптации для соблюдения религиозно-правовых доктрин новых членов (Liu, 2023; Abebe, de Carvalho, 2019). В ситуации, когда из-за различия правовых систем трудно достичь консенсуса, перспективы реализации будут связаны с переходом от единообразных декларативных правовых актов к формату

интеграции с переменной скоростью (Шелепов, 2025; Толорая, 2015). Вероятно развитие практики рамочных конвенций с возможностью присоединения к отдельным протоколам (механизм «опт-ин / опт-аут»). Кроме того, усиление экономического сотрудничества неизбежно приведёт к созданию специального инвестиционного арбитража БРИКС, независимого от западных юрисдикций, поскольку существующая *ad hoc* система консультаций не сможет справиться с растущим объёмом коммерческих споров в расширенном составе объединения.

Заключение

Исследование показало, что декларации БРИКС эволюционировали от политических документов, ориентированных на координацию экономической политики, к многофункциональным актам, отражающим формирование новой правовой парадигмы многополярного мирового порядка. Фиксация системных концепций международного права в декларациях свидетельствует о том, что БРИКС стремится стать активным субъектом мировой правовой политики.

Правовой анализ подтверждает, что декларации имеют природу, характерную для мягкого права – они не создают формально обязательных правил, а выступают как средства установления юридической практики и могут трансформироваться в элементы обычного международного права. Их влияние усиливается через институционализацию и включение положений в национальные правовые системы.

Практическая реализация декларативных положений в государствах-участниках демонстрирует их значительное воплощение, несмотря на отсутствие формальных механизмов мониторинга соблюдения. Создание собственных институтов, таких как Новый банк развития, подтверждает, что БРИКС становится всё более центром инициатив в области международной правовой политики. Расширение укрепляет как потенциал влияния БРИКС на международные процессы, так и внутреннюю сложность гармонизации подходов. Однако эта динамика открывает перспективы дальнейшей эволюции в сторону институционализации и повышения их правового статуса.

Литература

1. Abebe, A., de Carvalho, B. (2019). *BRICS and the Reform of Global Governance*. NUPI Report.
2. Арзуманова, Л.Л. (2018). Налоговое взаимодействие государств БРИКС в современных условиях. *Актуальные проблемы российского права*, (3), 68-70.
3. Белкин, Д.С. (2025). Правовая природа и компетенция международных финансовых организаций в контексте международного строительного контрактного права: анализ практики Нового банка развития. *Вестник Российской правовой академии*, (3), 76-86.
4. Глушаков, А.Ю., Соболевская, А.И. (2024). Источники нормативного регулирования деятельности БРИКС. *Ленинградский юридический журнал*, (4), 98-112.
5. Duipruij, P.-M. (2019). *Soft Law and the International Legal Order*.
6. Конкин, А.А. (2017). Трансрегиональное партнерство стран БРИКС как фактор современной мировой политики. *RUDN Journal of Political Science*, (2), 150-160.
7. Лапочкина, Е.П. (2024). Международно-правовое сотрудничество в рамках БРИКС: эволюция, результаты и перспективы развития. *Вестник Томского государственного университета*, (507), 234-240.
8. Лю, Л. (2023). *Воздействие расширения БРИКС на международные отношения. Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития*.
9. Михневич, С.В. (2022). Бизнес и власть: опыт взаимодействия в кризисных условиях, укрепляя международные позиции БРИКС: межгосударственное сотрудничество, диалог с бизнесом и перспективы развития. *Бизнес. Общество. Власть*, (2), 93-97.

10. Ромашев, Ю.С., Остроухов, Н.В. (2017). Практика как основа формирования международного обычая. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, (2), 186-199.
11. Толорая, Г.Д. (2015). БРИКС и ШОС: соотношение и взаимодействие новых механизмов глобального управления. *Ежегодник ИМИ*, (2), 98-102.
12. Шелепов, А.В. (2025). Сотрудничество БРИКС по реформированию международной валютно-финансовой системы и её институтов. *Вестник международных организаций*, (1), 157-175.

Поступило: 10.09.2025

Принято: 14.12.2025